

А.В.Евглевский, Н.М.Данилко, С.А.Куприй

“РЯДОВОЕ” ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С НЕРЯДОВЫМ ОБРЯДОМ ИЗ КУРГАНА 2 ГРУППЫ ТОКОВСКИЕ МОГИЛЫ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕПРА

В 1992 г Орджоникидзевокой новостроечной экспедицией Института археологии НАН Украины был исследован не входящий в первоначальный объем работ курган 2 у пгт Токовское Апостоловского р-на Днепропетровской области. Введение в научный оборот этого памятника является основной целью данной публикации.

Курганная группа, получившая название Токовские Могилы по скифскому кургану (№ 1) Токовская Могила (высота – 3,2 м, диаметр – 38 м), входит в состав большой курганной гряды, протянувшейся вдоль высокого правого берега р.Камени (приток р.Базавлук – Правобережье Днестра) (рис.1) от ее устья в направлении станции Ток. Группа Токовские Могилы, включающая 9 насыпей высотой от 0,5 до 5 м, располагалась примерно посередине этой курганной гряды в виде цепочки, вытянутой по линии север-юг. Раскопаны курганы 1 и 2.

Интересующий нас курган 2 находился в лесополосе в 200 м к югу от кургана 1. Поверхность задернована, не распаивалась, высота – 1,2 м от уровня погребенной почвы¹, диаметр – 16 м, северная пола более крутая, чем южная. Насыпь кургана вальвовая, сферической формы. На уровне древнего горизонта зафиксировано каменное кольцо из гранитных окатанных валунов, размеры которых колеблются от 0,3-0,4 до 0,7-0,8 м; внешний диаметр кольца – 11,5 м, внутренний – 10 м (рис.2). При зачистке каменного кольца по всему периметру вырисовалась определенная система в укладке камней. Западный и восточный секторы выложены в один ряд, северный и южный – в два (послойно); в восточной части валуны более крупные, в западной – более мелкие. В западном участке каменного кольца просматривается едва заметный разрыв, который немного не совпадает с западной ориентировкой умершего из единственного в кургане позднекочевнического погребения (рис.2). Возможно, этот факт не является случайным совпадением.

Стратиграфия кургана

Несмотря на то, что в кургане обнаружено всего одно позднекочевническое погребение, тем не менее вопрос о хозяине кургана не совсем ясен. В отличие от С.А.Куприя, непосредственно проводившего раскопки кургана² и считавшего, что основным погребением в кургане являлось скифское, а позднекочевническое было впускным, один из авторов статьи – А.В.Евглевский – полагает, что единственным и основным погребением является публикуемый в статье средневековый кочевник. Еще один автор статьи – Н.М.Данилко – воздержалась от категорического заключения, признавая оба варианта в разной степени возможными.

В тексте описания памятника сказано, что “насыпь кургана вальвовая, была возведена в один прием над основным скифским погребением, выкид из которого фиксировался в бровке. Скифское погребение затем было полностью уничтожено позднекочевническим погребением [подчеркнуто А.В.Евглевским], впускным с поверхности кургана”. В другом месте относительно этого момента находим несколько иную информацию: “обнаружены два погребения: 1 скифское, 1 половецкое. Скифское захоронение полностью уничтожено грабителями” [подчеркнуто А.В.Евглевским]. Не будем останавливаться на том, насколько принципиальны эти расхождения текста, поскольку решить проблему основного погребения это все равно не помогает. Неопределенность текста, а также ряд обстоятельств методики раскопок дают одному из авторов (А.В.Евглевскому) основание считать, что убедительных фактов существования скифского или другого досредневекового погребения нет. Приведем аргументы.

В описании С.А.Куприя отсутствует попытка объяснить скифскую принадлежность кургана. Приводятся лишь косвенные данные, да и то больше гипотетического плана, нежели фактического,

¹ Все глубины в статье даются от уровня погребенной почвы.

² Отчет не был сдан в архив Института археологии. Сохранились лишь предварительный текст описания кургана и фотографии процесса раскопок, чертежей и рисунков вещей. Все эти материалы были собраны Н.М.Данилко, которые она передала для анализа А.В.Евглевскому.

хотя, на первый взгляд, полевые чертежи³ говорят за скифскую версию. Речь идет о том, что в разрезе бровки штрихами показано, что позднекочевническое погребение впускное и прорезает выкид из якобы скифского или какого-либо другого основного погребения. Таким образом, если верить этим документам, складывается впечатление, что позднекочевническая яма действительно четко прорезает выкид более раннего погребения. При этом линзы выкида у самого края могилы не только исключительно прямые (обрезанные), но они еще и довольно мощные (толщиной около 26-27 см). Как бы против принадлежности выкида вокруг ямы позднекочевническому погребению свидетельствует и тот факт, что при выкапывании могильной ямы выкид обычно не укладывается толстым слоем непосредственно у края ямы, поскольку это будет затруднять устроителям погребальной процедуры опускание умершего в могилу. Следовательно, точка зрения, что этот выкид на древнем горизонте является следствием сооружения в кургане скифского погребения, если верить чертежу бровки, не лишена основания.

Однако такое объяснение стратиграфии кургана, по меньшей мере, нельзя признать единственно возможным. Во-первых, чертеж разреза кургана сделан довольно небрежно и с очевидными ошибками. К последним относятся: 1) на разрезе бровки ширина каменного кольца на его северном участке составляет 1,5 м, на южном – 1,6 м (рис.2, 2), в то время как на общем плане кургана в соответствующих местах она в 2 раза меньше – 0,7-0,8 м, разница огромная – до 0,9 м; 2) внутренний диаметр каменного кольца по бровке – 7,5 м (рис.2, 2), а на общем плане – 9,0 м (рис.2, 1), разница – 1,5 м (!); 3) размеры внешнего диаметра также имеют большую погрешность, которая очевидна даже без специальных контрольных замеров (рис.2, 1); 4) на общем плане не показаны ни бровка, ни даже репер кургана; 5) нет необходимых разметок для визуального определения пространственных величин и на разрезе бровки; 6) среди чертежей отсутствует разрез восточной стороны бровки. Как видим, о многом приходится лишь догадываться. Например, на какой участок могильной ямы пришелся разрез погребения, показанный в разрезе бровки. Ясно только, что сечение ямы поперечное, потому что бровка в кургане была оставлена по линии север-юг. Однако при этом не ясно, куда исчез один из продольных уступов ямы

– южный? Ведь два уступа вдоль длинных стен четко обозначены на плане и разрезе погребения, о них вполне определенно сказано и в тексте описания памятника. Вызывает много вопросов и система глубин. Так, если глубина ямы от ДГ на разрезе погребения составляет 1,72 м, то этот же показатель на разрезе бровки – 1,5 м, разница – 0,22 м.

Замечания к полевой фиксации несложного по стратиграфии памятника можно было бы без труда продолжить (настолько непрофессионально выполнена чертежная работа), однако и указанного вполне достаточно, чтобы сделать заключение – верить чертежам в полной мере нельзя. Собственно, удивляться этому особенно не следует, поскольку в условиях постоянного (по известным причинам) форсирования в 70 – нач.90 гг. новостроечных полевых работ и, очевидно, при отсутствии достаточного числа квалифицированных кадров всевозможных огрехов (включая и очень серьезных) в работе было просто не избежать. Так что, если даже допустить существование в токовском кургане 2 любого досредневекового основного погребения, то не найти его при таком подходе было немудрено.

На чем еще, кроме упомянутого разреза бровки кургана, базируется вывод автора полевой документации о скифском погребении? Возможно, такое заключение сложилось и в связи с рисунком небольшой ниши, отмеченной в северной продольной стенке могилы (рис.2, 2). Но, поскольку о ней в тексте ничего не сказано, нет ее ни на плане, ни, тем более, на разрезе погребения, то попробуем логическим путем выяснить ее природу. Так называемая “ниша” находится под заплечиком и, судя по условному обозначению на разрезе бровки кургана, видимо, заполнена разрыхленным материковым грунтом. Происхождение этой “ниши”, на наш взгляд, объясняется действием землеройных животных, а ее форма, довольно правильных подпрямоугольных очертаний, игрой случая или “выравниванием” чертежником очертаний кротовины. Такое наше суждение, разумеется, нельзя считать бесспорным.

В разрезе бровки над северной линзой выкида, выше него почти на 20 см, отмечена прослойка, возможно, такого же по структуре как и в “нише” материкового грунта, лежащего под наклоном к яме. Если отбросить вполне вероятную версию о происхождении этой прослойки в связи с деятельностью

---

³ Рисунки 2-3 идентичны полевым чертежам. Это сделано для того, чтобы они, как документы, демонстрировали уровень их исполнения, а значит подтверждали существующую проблему со стратиграфией кургана. А.В.Евглевский полагает, что главным источником неверного прочтения стратиграфии кургана, скорее всего, явилось представление о впускном характере большинства позднекочевнических погребений. А чертеж бровки, якобы подтверждающий такую стратиграфию, – это, очевидно, результат такого взгляда, помноженного на недостаточную квалификацию чертежника.

Рис. 1. Карта-схема местонахождения курганный группы Токовские Могилы (у пгт Токовское)

Fig. 1. A map-scheme of Tokovskiy Mogily barrow group location (near Tokovskoye settlement)

землеройных животных, то тогда (встав на “скифскую позицию”) в качестве рабочей гипотезы может быть уместна версия о том, что позднекочевническое погребение село на скифское. Впрочем, в тексте полевой документации, как мы уже упоминали, есть два варианта объяснения “исчезновения” скифского погребения. Первый – его ограбили еще в древности, второй – оно было уничтожено в результате сооружения позднекочевнического комплекса. Теоретически мог существовать и третий вариант, по которому скифское погребение сначала ограбили, а позже оно окончательно было уничтожено в связи с впуском средневекового кочевника. Если верно второе или третье предположение, то тогда упомянутая нами “ниша” могла являться остатками скифской ямы, разрушенной в средневековое время. В этом случае прослойка материкового грунта, расположенная наклонно над выкидом, легко объяснима. При сооружении позднекочевнического погребения по мере расширения в насыпи воронки и прорезания скифской могилы на склоны легли прослойки материкового выкида. Поскольку на общем плане кургана, а также на разрезе бровки (кроме упомянутой “ниши”) каких-либо признаков

скифского погребения не показано, то это может свидетельствовать о том, что яма последнего могла быть ориентирована так же, как и позднекочевнического – по линии запад-восток. Следуя такой логике, на кургане 2, кроме, собственно, возможного разрушения и ограбления скифской могилы (неважно в скифское время или позже) и непрофессионально выполненных чертежей, крайне затрудняющих анализ памятника, произошло еще одно досадное событие: позднекочевническое погребение удивительно точно (!?) село на скифское. Если это было именно так, тогда мы, возможно, столкнулись не с такой уж редкой ситуацией, когда позднее погребение не просто разрушило более раннее, а практически бесследно уничтожило последнее. Такое развитие событий гипотетически можно связать с курганом 1, где основное и единственное скифское погребение было ограблено, а яма ориентирована также по линии запад-восток. Однако эти совпадения, не считая еще соседства курганов, естественно не являются даже косвенными аргументами, которые могли бы подкрепить версию о существовании в кургане 2 скифского погребения.

Более того, в противовес развернутой “скифской версии” опять же гипотетически можно указать на такие обрядовые черты кургана 1 как: 1) отсутствие в нем не только каменного кольца-оградки, но и вообще камня в его архитектуре, не считая каменного заклада, закрывавшего вход в дромос; 2) погребение кургана 1 представляло собой сложное сооружение, состоявшее из входной ямы, дромоса и камеры. Последнее обстоятельство указывает на то, что если бы подобная громоздкая конструкция была сооружена и на кургане 2, то при “попадании погребения на погребение” сотрудники экспедиции должны были заметить в материке остатки ямы. Поскольку они не зафиксированы, то это свидетельствует о том, что скифское погребение могло иметь яму только простой – прямоугольной – формы (близкой к средневековой), что, однако, не находит соответствия в скифской погребальной обрядности. Значит, почти наверняка можно утверждать – скифского или любого другого основного досредневекового погребения в кургане 2 не существовало. Из-за ошибок чертежника ничего не меняется по сути, если допустить, что основным в кургане было срубное погребение или какой-либо другой культуры.

Анализируя варианты происхождения непонятной для нас “ниши”, теоретически можно допустить, что она была частью конструкции позднекочевнического погребения. В качестве отдаленных аналогий уместно будет привести факты находок реальных ниш. Так, в яме хронологически близкого погребения из кургана Двугорбая Могила,

раскопанного в Северном Приазовье, ниша была устроена в западном торце могилы на высоте 10 см от дна и имела вид небольшого подбоя 0,7х0,5 м, высотой 0,3 метра. В нише стоял медный котел, внутри которого лежал крюк для подвешивания. Авторы раскопок и публикации этого памятника данную нишу называют тайником, что, учитывая ее сооружение в торцевой стенке ямы и нахождение там котла, можно признать вполне логичным объяснением (Привалова О.Я. и др., 1982, с.151). В токовском же погребении “ниша” (если, конечно, это была не кротовина) устроена не в совсем подходящем для тайника месте – в северной стенке, да и какие-либо находки там отсутствовали. В продольных стенках могил поздних кочевников нам известно два случая устройства ниш. В Саркеле, к.34, в мужском погребении, ниша была устроена в северной стенке, т.е. за костями коня (Плетнева С.А., 1963). Подробности ниши в тексте не указаны. Гораздо более информативной оказалась ниша из погребения 1 кургана 1 у с.Провалье. Здесь, в северной продольной стенке, т.е. слева от погребенной женщины, на уровне плеча за гробовищем, сделан подбой размерами 0,1х0,3 м, в котором лежали нож, железная игла, костяная трубочка (Гладких М.И. и др., 1974). Умершие из обоих указанных погребений ориентированы на юго-запад. В принадлежности “ниши” скифскому (как уцелевшей части ямы) или позднекочевническому (как ниши-тайника) погребению закономерные сомнения возникают еще и потому, что, как было сказано выше, ни на плане, ни на разрезе погребения она не показана (есть только в разрезе бровки). Чертежник решил сделать поперечный разрез по центру погребения и, может быть, именно поэтому “ниша” не попала в разрез? Но, если даже реальной ниши не существовало, чертежник все равно совершил серьезную ошибку. С целью демонстрации конфигурации уступа, на котором лежали удила, надо было обязательно сделать еще один (продольный) разрез.

Исходя из вышесказанного, непонятно, на чем же все-таки основывался вывод о существовании скифского погребения или вообще любого другого основного досредневекового погребения?

Описание позднекочевнического погребения

Погребальное сооружение представляет собой яму прямоугольной формы длиной 2,3 м, шириной в западной части 1,1 м, в восточной – 0,85 м. На глубине 0,7 м (1,95 м от репера) устроены продольные заплечики длиной 2 м, шириной 10-15 см,

на которые опирались 12 поперечно уложенных плах (рис.3, 1). В описании указано, что на уровне уступов яма перекрыта деревянными частями повозки, положенными поперек могилы, а остальные части повозки лежали на дне и использовались в качестве гробовища. Однако, судя по чертежу, в небрежно нарисованной деревянной конструкции невозможно узнать детали повозки. Более того, кажущиеся нам бесформенными деревянные остатки лишь отдаленно напоминают простые плахи. Ширина плах – 7-8 см, толщина – 2-3 см. У восточной торцевой стенки ямы (за ногами человека) на глубине 1,2 м (2,45 м от репера) устроен уступ с максимальной шириной по краям 0,37 м (0,27 м в центре), на котором в его северной части лежали удила (рис.3, 1ж, 2ж).

Яма была заполнена материковым выкидом. С точки зрения обозначенной выше проблемы существования в кургане скифского погребения факт этот крайне важен. Может быть присутствие материкового грунта в заполнении позднекочевнического погребения и является следствием разрушения последним скифского комплекса? В равной мере возможен и другой вариант, который в определенной степени объясняет мощную, но небольшую по диаметру укладку материкового выкида вплотную к краям ямы. В этом случае одна часть материкового выкида из средневекового погребения строителям погребального обряда могла потребоваться для обкладки ямы, а вторая его часть была использована для ее заполнения. Не исключено, что такая сложная и совершенно нетипичная для поздних кочевников обрядовая процедура имела еще какие-то дополнительные конструктивные особенности (со своим смысловым наполнением), но они ввиду не совсем удачной фиксации стратиграфии памятника, к сожалению, могли остаться незамеченными.

В придонной части ямы фиксировались следы от землеройных орудий двух типов: одни узкие, шириной 1-1,5 см, оставленные предметом типа клевца, другие широкие – до 5 см, по-видимому, от орудия, близкого к теслу. Дно могилы находилось на глубине 1,6 м (2,85 м от репера). Погребенная женщина 35-40 лет⁴ лежала в решетчатом гробовище, удовлетворительная сохранность которого (как сказано в описании) позволила проследить некоторые детали конструкции и систему крепления. Гробовище размерами 2,2х0,7 м (рис.3, 2) изготовлено из тонких досок толщиной до 1 см. Дно состояло из не менее чем 12 перпендикулярно расположенных к продольным лагам планок толщиной 0,7 см; промежутки между планками в среднем составляли 7-8 см. Планки вставлялись

⁴ Заключение антрополога Института археологии НАН Украины Т.А.Рудич.

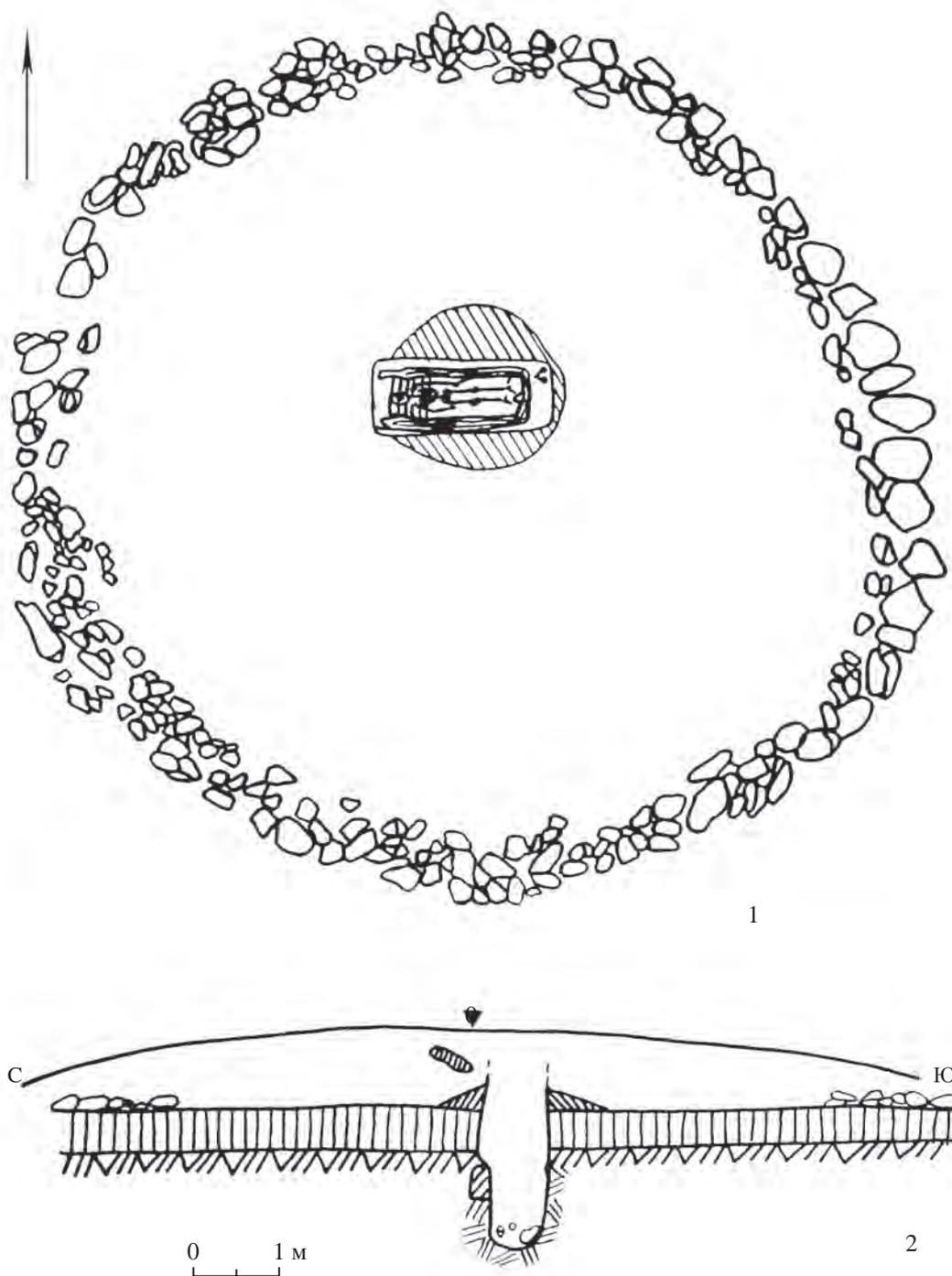
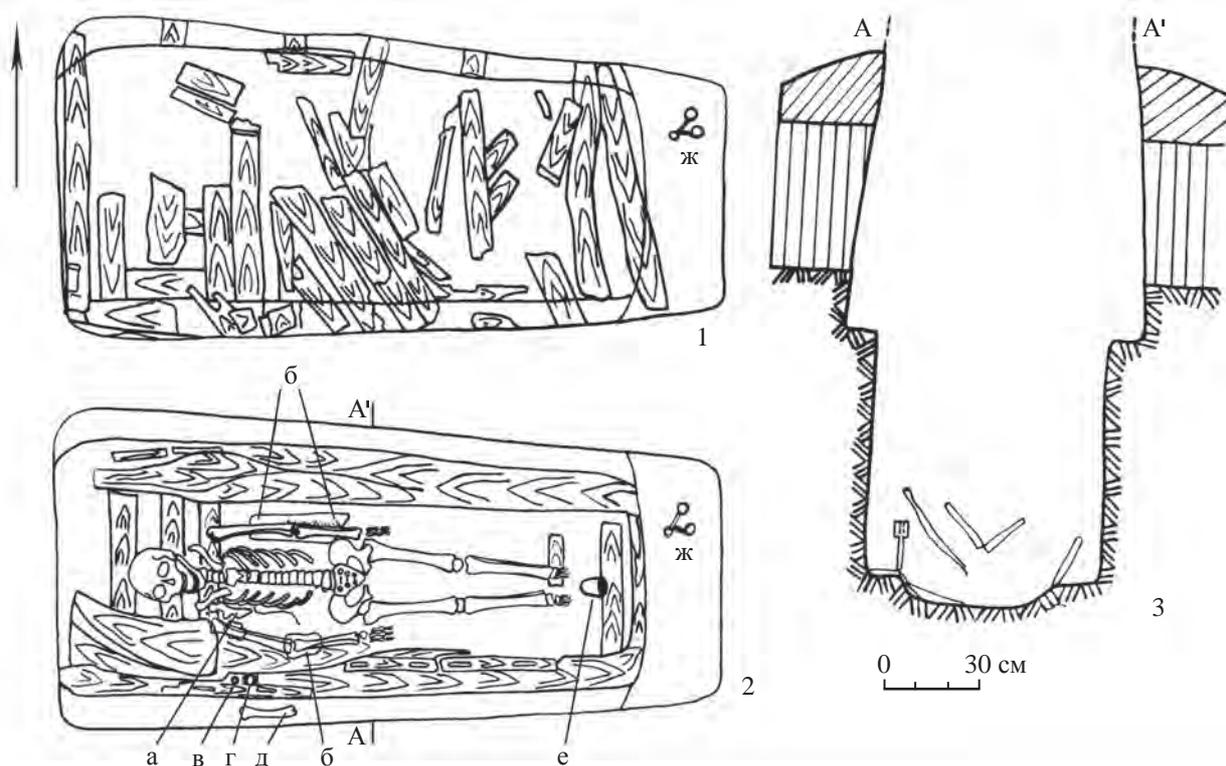

Рис. 2⁵. Курган 2 группы Токовские Могилы: 1 – общий план кургана; 2 – разрез западной стороны центральной бровки

Fig. 2⁵. Barrow 2 of Tokovskiye Mogily group: 1 – the general layout of the barrow; 2 – a section of the western side of the central edge

⁵ Рисунки 2-3 публикуются по чертежам экспедиции без каких-либо изменений со стороны редакции (за исключением условных обозначений).

⁵ Figures 2-3 are published from drawings of expedition without any editing (except for a legend).

Условные обозначения:

а – ткань красная	д – кость овцы
б – кожа	е – стремя
в – бусина	ж – удила
г – гребень	

Рис. 3. Погребение 1 кургана 2 группы Токковские Могилы: 1 – план перекрытия могилы; 2 – план погребения; 3 – разрез погребения

Fig. 3. Burial 1 of barrow 2 of Tokovskiye Mogily group: 1 – the layout of grave overlapping; 2 – the burial layout; 3 – a section of the burial

в сквозные пазы плохо сохранившихся продольных лаг. Несколько лучшей сохранности верхние лаги. Ширина верхних брусков лаг – 8 см, толщина – 4 см. Параметры брусков нижних лаг в тексте не отмечены, но, по всей видимости, они такие же. В пазы лаг вставлялись бортовые вертикальные планки. Расстояние между пазами для вертикальных планок – до 20 см, размеры пазов – 7x2 см. На двух фрагментах продольных лаг и бортовых вертикальных планках отмечен изгиб⁶, присущий, по мнению С.А.Куприя, бортам повозки, который необходим для устойчивости конструкции. Жесткая связь бортов во всех четырех углах конструкции не прослеживалась, что, очевидно, связано с их фиксацией ремнями или плетенкой, которые не сохранились. По дну гробовища прослеживался

тонкий растительный слой, по-видимому, являющиеся остатками луба. На планках в головах и под спиной погребенной женщины зафиксированы остатки черной краски.

Умершая лежала вытянуто на спине, головой на запад, левая рука – параллельно телу, правая слегка согнута в локте (рис.3, 2). Под скелетом и частично на нем (от плечей до уровня таза) сохранились остатки ткани красного цвета с золотыми нитями; здесь же были и фрагменты одежды из кожи. Напротив правой плечевой кости у стенки гробовища лежали бусина (рис.3, 2в) и двусторонний двухчастный гребень (рис.3, 2г), которые, возможно, находились в матерчатом мешочке. Напротив них, за гробовищем, у южной стенки могилы лежала плюсневая кость овцы (?) – остатки

⁶ Эту информацию на чертеже увидеть, к сожалению, невозможно, но, может быть, это было видно в процессе расчистки погребения.

напутственной пищи (рис.3, 2д). За ступнями погребенной обнаружено стремя (рис.3, 2е). В районе черепа фиксировались остатки войлока, очевидно, от подушки или головного убора.

В материковом дне ямы под гробовищем сделано углубление длиной около 2 м, шириной 0,5 м, глубиной 0,1 м, расположенное по центру от одной торцевой стенки к другой (рис.3, 3). В углублении зафиксированы следы от мела.

Описание инвентаря

1. Кольчатые двусоставные **удила**. Подвижное грызло состоит из двух звеньев длиной 15 см каждое, соединяющихся между собой кольцо в кольцо. Внешние концы звеньев слегка расклепаны, в них вставлены кольца для крепления ремней оголовья. Кольца диаметром 3,6-3,5 см, в сечении квадратные (рис.4, 2).

2. **Стремя** арочной формы, дужки плавно переходят в слегка выгнутую вверх линзовидную в разрезе подножку. В верхней расклепанной части дужки – прорезь линзовидной формы размерами 2х0,3 см для крепления путлища. Из-за коррозии железа прорезь, очевидно, стала уже, чем была первоначально. Под прорезью – выступ овальных очертаний, образовавшийся в результате расклепывания. Размеры стремени: высота – 11,5 см, ширина – 11,6 см, максимальная ширина подножки – 5,2 см (рис.4, 1).

3. Полихромная **бусина** из стеклопасты размерами 1,2х1 см (рис.4, 3). Цвет бусины в отчете не указан.

4. Деревянный двусторонний двухчастный **гребень** плохой сохранности размерами 4х3 см (рис.4, 4).

5. Фрагменты шелковой **ткани** красного цвета. На них виден тисненый орнамент в виде нескольких повторяющихся не очень ясных для глаза узоров. Все эти узоры выполнены нитями пряженого золота. Среди остатков ткани прослеживаются три ее типа: 1) ткань алого цвета с нитями пряженого золота; 2) ткань такого же алого цвета, но без золотой нити; 3) фрагменты плотного шелка, – видимо, своего рода оборка, пришитая по краю кафтана.

6. Фрагменты **кожи** прослежены под костяком погребенной, а также на левом и правом предплечье (рис.3, 2б). Они, по-видимому, связаны с каким-то видом верхней одежды, возможно, безрукавкой. Кожа хорошей выделки с четко прослеживающимися швами.

Таков немногочисленный, но довольно интересный инвентарь погребения. Особого внимания, конечно же, заслуживают фрагменты тканей, изучение которых позволит решить вопросы реконструкции тисненого узора, украшавшего кафтан, технологических особенностей текстиля, места изготовления и т.д.⁷ Кроме того, у нас появится возможность решить вопрос о социальном статусе погребенной, ответ на который, мы надеемся, будет, в той или иной мере, найден при рассмотрении погребений близкого круга.

Хронология инвентаря

Удила, по Г.А.Федорову-Давыдову, относятся к типу ГIV (7 экз., известных автору на момент выхода монографии), происхождение которых он связывает с широко датирующимся и наиболее распространенным в Европейской Степи (70 экз.) типом ПI (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.17). Из всех аналогий важнее всего привести удила, найденные в относительно близком территориально погребении у с.Миновка, датирующемся по золотоордынским монетам последней четвертью XIV в. (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с.94-95). Относительно точная датировка этого комплекса позволяет обойтись без рассмотрения других удил данного типа. В то же время необходимо оговориться, что благодаря миновским монетам мы получили для токовского погребения лишь верхнюю дату, которая позволяет сказать, что такие удила бытовали и в кон.XIV века. Нижняя дата в данном случае нас не интересует, поскольку удила ГIV бытовали в широких хронологических рамках, а в токовском погребении стремя относительно удил более позднее. Следовательно главной нашей опорой по инвентарю будет стремя.

Стремя, по типологии Г.А.Федорова-Давыдова, по форме дужки ближе всего к типу ЕП (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.12), но подножка у токовского стремени несколько шире. Такое сочетание конструктивных деталей позволяет установить у этого типа стремья вариант ЕПа. По статистике А.В.Евглевского, именно этот, не выделенный Г.А.Федоровым-Давыдовым, вариант “а” у стремья ЕП является самым массовым в период развитого и поздnezолотоордынского времени.

Несмотря на то, что Г.А.Федоров-Давыдов все аналогии стремьям ЕП нашел исключительно в памятниках XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.16), степень изученности на сегодняшний день взаимовстречаемости погребального инвентаря

⁷ Комплексному исследованию тканей и кожи из данного погребения посвящена статья Т.Н.Крупы, помещенная в этом же сборнике.

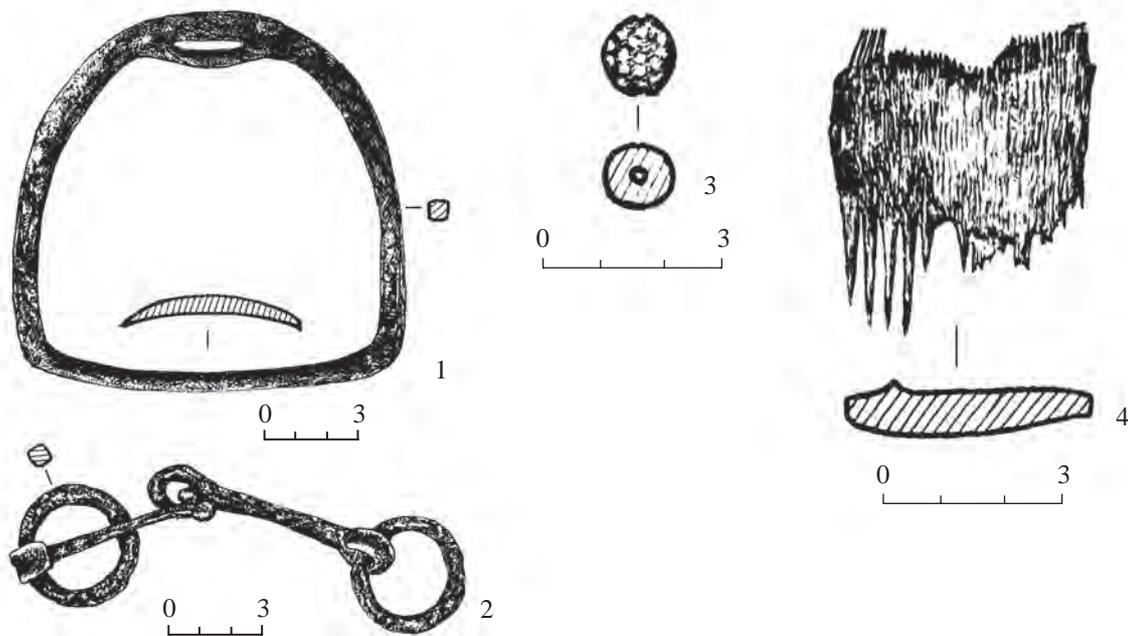

Рис. 4. Инвентарь погребения 1 кургана 2 группы Токовские Могилы: 1 – стремя; 2 – удила; 3 – бусина; 4 – гребень

Fig. 4. The inventory of burial 1 of barrow 2 of Tokovskiye Mogily group: 1 – a stirrup; 2 – a bit; 3 – a bead; 4 – a comb

кочевников золотоордынского времени не дает нам возможности уверенно указать дату более узкую, чем 2-я пол. XIII – XIV век. Золотоордынские монеты 4-й четв. XIV в., обнаруженные в одном комплексе со стременем ЕП из Миновки, так же, как и в случае с удилами, указывают лишь на верхнюю хронологическую границу токовского погребения. Стоит еще добавить, что, по Г.А.Федорову-Давыдову, удила ГIV имеют тесную связь со стременами ЕI, стрелами ВХ и орнаментированными костяными накладками колчана. Все они бытовали только во 2-й пол. XIII – XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.98, 100). В то же время исследователь не отметил какой-либо связи между стременами ЕП и удилами ГIV. Объяснение этому факту у нас может быть пока одно – небольшое количество известных удил ГIV на момент подготовки Г.А.Федоровым-Давыдовым монографии. Как следствие, вероятность попадания их в один комплекс с многочисленными стременами ЕП в выборке памятников ученого была крайне низкой.

Отсутствие у нас всех необходимых данных о полихромной **бусине** и неудовлетворительная сохранность деревянного **гребня** не позволяют говорить об их узкой дате, а значит и уточнить датировку комплекса они не могут. Зато по гребню можно привести много другой важной информации. В частности, известно, что гребнями в коче-

вой среде пользовались не только женщины, но и мужчины. При этом очень интересно отметить, что если на мужских изваяниях, за редким исключением, встречаются односторонние гребни, то на женских никакой тенденции не наблюдается (Плетнева С.А., 1974, с.49). В погребениях совсем иная картина встречаемости типов гребней. Как в женских, так и в мужских захоронениях преимущественно находят двусторонние двухчастные деревянные гребни. Таким образом, наш гребень не является оригинальным. В целом же, инвентарь погребения позволяет датировать памятник в достаточно широких рамках, включающих весь золотоордынский период.

Погребальный обряд

Памятник с точки зрения погребальной обрядности исключительно интересный, не имеющий близких аналогий не только по встречаемости признаков, но, что особенно важно, даже по некоторым отдельным его чертам. Поэтому на этом есть смысл остановиться подробнее.

В блок обрядовых черт, позволяющих пролить свет на место нашего комплекса в погребальном обряде позднекочевнической культуры, входят: каменное кольцо-оградка под насыпью кургана, за-

плечики вдоль южной и северной стенок, уступ у восточной торцевой стенки могильной ямы, решетчатое гробовище, западная ориентировка погребенной, стремя и удила в отсутствие коня, укладка удила на торцевой уступ, помещение в погребение лишь одного стремени. Большинство из этих признаков, в тех или иных сочетаниях, характерны для 2-й четв. XIII – XIV в., подтверждение чего мы находим во многих работах (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.159-160; Евглевский А.В., 1992а, с.107; и др.). Однако ряд этих признаков встречается в отдельности или в некоторых сочетаниях и в домонгольское время, и в еще более ранние периоды, поэтому формальные статистические оценки нам будут полезны лишь отчасти. Необходимо рассмотреть их нюансы, которые помогли бы отделить памятники золотоордынского времени от предшествующего.

Каменное кольцо-оградка⁸, сооруженное под насыпью кургана, – явление довольно редкое для средневековых кочевников Восточной Европы. Специальные работы на этот счет отсутствуют. Поэтому вдвойне интересно проследить, какому хронологическому сегменту позднекочевнической культуры этот признак более всего характерен. Территориально наиболее близкими аналогиями каменных колец являются позднекочевнические комплексы у сел Марьянское, Шолохово, Каменка, исследованные в том же микрорегионе Степи, что и токовское погребение – степном междуречье Днепра и Ингульца, а точнее в устье рек Каменка и Базавлук. По такому признаку погребения составляют и наиболее плотное скопление памятников. Вряд ли это может быть случайным фактом и, возможно, свидетельствует о том, что они оставлены одной кочевой группой в относительно узкий отрезок времени. Но значение упомянутых аналогий для определения места токовского кургана в позднекочевнической культуре будет иметь гораздо больший вес, если попытаться рассмотреть обозначенный признак не по формальным показателям наличия/отсутствия, а хотя бы немного углубившись в архитектурные и конструктивные особенности каменных колец этих памятников.

Курган из Марьянского, где каменное кольцо окружало склоны насыпи, а его основание упиралось в древнюю дневную поверхность, содержал **основное** и единственное погребение. К сожалению, из-за его ограбления ориентировка умершего не определяется, однако для нас важно то, что, как и в токовском кургане, в погребении пожилого

мужчины отсутствовали кости коня. В свое время С.А.Плетнева отнесла этот признак к IV группе погребений, датировав их XIII-XIV вв. (Плетнева С.А., 1958, с.176). Не противоречит этой датировке и погребальный инвентарь (железные гвозди, распрямленная гривна), более того, он сужает ее до 2-й пол.XIII – XIV века.

В кургане у с.Шолохово (устье р.Базавлук, Правобережье Днепра) основание каменного кольца находится во рву, поднимаясь по его склону на 0,3-0,5 м выше уровня древнего горизонта (Шалобудов В.Н., 1984, с.167). Могила находилась в центре подкурганной площадки и была окружена дуговидным выкидом с проходом в восточной части. Погребение **основное**, ограблено в древности, но обнаруженные в нем вещи (наконечники стрел группы “срезни” и костяные орнаментированные накладки) датируют комплекс золотоордынским временем. Автор публикации пишет, что, судя по сохранившейся грудной клетке, человек лежал головой на восток, однако ориентировка умершего, исходя из чертежа, не определяется. Но поскольку могила была расположена практически по линии запад-восток, то ориентировка умершего могла быть и западной.

К мусульманскому периоду золотоордынской эпохи отнес курган с каменным кольцом диаметром 14 м, шириной 1 м, исследованный у с.Каменка на правом берегу Днепра в бассейне р.Базавлук, А.П.Безверхий. Два захоронения, по словам автора публикации, в силу скудости инвентаря не имеют точной датировки. Лишь характерные признаки погребального обряда (устройство крепицы, отсутствие захоронения лошади и наличие каменного надгробия) дают возможность предположить, что “захоронения были произведены в IV заключительный период кочевнических древностей” [имеется ввиду 2-я пол.XIII – XIV в. – авторы статьи] (Безверхий А.П., 1991, с.127-128). Каменное кольцо, как и в токовском кургане, своим основанием находилось на древнем горизонте, а два одновременные погребения (одно мужское, другое неопределенное), ориентированные на **юго-запад-запад**, были **основными** и единственными в кургане (Безверхий А.П., 1991, с.127).

Очевидно, к XIII в. (на основании датировки срезня, распрямленной гривны и других вещей) относится курган 1 у с.Сухая Калина, где **основное** погребение с умершим мужчиной, ориентированным на **северо-запад-запад**, окружали ровик и кромлех. Последний своим основанием у самого

---

⁸ Термин “каменное кольцо-оградка” использован нами лишь для ассоциативной активизации в памяти коллег данного архитектурного признака. Он требует особого пояснения, что выходит за рамки работы. Далее в статье мы будем использовать термин “каменное кольцо”, что позволит значительно сузить его типологическое и семантическое наполнение.

края ровика с его внутренней стороны опирался на материк, поднимаясь наклонно к центру насыпи. Такое устройство кромлеха способствовало тому, что ровик после совершения погребения, очевидно, какое-то время находился открытым, а насыпь кургана, в свою очередь, сдерживалась от сползания в него (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1987).

С большой долей вероятности по ряду признаков положения скелета (вытянуто на спине, ступнями к югу, головой на **запад**, лицом на юг) к золотоордынскому времени можно отнести и курган у с.Нововасильевка на р.Ингулец (правый приток Днепра). **Основное** погребение с умершим (пол не установлен) окружал кромлех, сооруженный из известняковых плит, стоящих на ребре в 2 ряда и вкопанных в материк на 0,1 м (Шапошникова О.Г. и др., 1975). Из инвентаря обнаружено лишь бронзовое шило.

Еще один памятник – Показовое-II, к.4 – с кольцом в виде редкого наброса камней вокруг **основного** ограбленного погребения, вполне возможно, раннезолотоордынского времени (инвентарь погребения не противоречит такой датировке, но и не подтверждает ее) исследован в бассейне р.Синюха (приток Южного Буга). Погребенный лежал головой на **юго-запад** (Бокий Н., 1968).

Интересный обряд зафиксирован в кургане у х.Кашеевка в нижнем течении р.Северский Донец на левом его берегу, недалеко от впадения в р.Дон. Позднекочевническое погребение являлось **основным** и единственным в кургане. Поверхность насыпи по всей площади была покрыта мелким мергельным камнем (щебенкой). Им же был заполнен и неглубокий (0,3-0,45 м) кольцевой ровик в насыпи (!), не достигавший уровня древнего горизонта кургана. Ровик вырыт небрежно, глубина его в различных местах неодинакова, сечение треугольное, местами полуовальное. Каменное кольцо было сооружено после возведения насыпи, так как за пределами “кольца” в разрезе бровки четко прослеживался “подошвенный” ровик, из которого брался грунт для возведения кургана. Погребение ограблено, ориентировка и пол умершего не установлены. Конструкция могильной ямы с подбоем и инвентарь (крупных размеров наконечник стрелы, глазчатая бусина и удила ГП) не противоречат его золотоордынской датировке (Максименко В.Е., 1981).

Сплошной кольцевой ровик, плотно заполненный мелким битым камнем, окружал **основное** женское погребение у х.Сладковский, к.32. Ограбленная могильная яма вытянута по линии Ю33-СВВ, ориентировка умершей не установлена, но признаки погребального обряда не противоречат золотоордынскому времени (Максименко В.Е. и др., 1983).

Аналогии каменным кольцам, сооруженным на древнем горизонте, находим и в памятниках кочевников, значительно удаленных от Правобережья Днепра – на Урале (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с.61). Подобная конструкция была зафиксирована вокруг **основных** погребений с **юго-западной** и **северо-западной** ориентировками умерших в курганах: Новый Кумак, к.9; Новый Кумак, к.29; Тлягулово, к.4; пос.Урал, к.5. Однако приходится сожалеть, что выразительные вещевые наборы этих курганов не были продатированы авторами более узко, чем XIII-XIV вв., что не дает нам возможность однозначно установить хронологическое соответствие между уральской группой и памятниками степной полосы Северного Причерноморья. Впрочем, для нас важнее было выяснить, являются ли признаки, присущие токовскому кургану, хронологически устойчивыми в золотоордынское время, и можно ли распространить такую точку зрения на широкие степные пространства Восточной Европы.

Лишь в трех случаях нам известны каменные кольца, связанные с впускными погребениями. В одном из них (к.3, п.1 у с.Сокольники, на р.Северский Донец) каменное кольцо диаметром 12 м, шириной 0,5-0,75 м, толщиной наброски 0,3-0,4 м, сооруженное с внешней стороны ровика и частично его перекрывавшее, окружало **впускное** позднекочевническое погребение (основное погребение кургана относится к срубной культуре). Из-за сильной распаханности насыпи (высота – 0,3 м, диаметр $\approx$ 15 м), к сожалению, нет возможности установить, была ли над позднекочевническим погребением возведена собственная насыпь. На уровне погребенной почвы камни местами находились в ровике. Погребение ограблено, но выявлено, что умерший мужчина был ориентирован на **запад** (Братченко С.Н. и др., 1978). По многочисленному инвентарю (прежде всего, наконечникам стрел бронебойных типов) и особенностям погребального обряда комплекс можно датировать золотоордынским временем и поставить, если и не в один ряд с вышеприведенными основными погребениями, то, скажем, в соседний с ними.

Второй курган с **впускным** погребением и каменным кольцом – Бахмутовка, к.2 – раскопан на р.Айдар (приток Северского Донца). Процесс создания этого комплекса был следующим. В центр первичной насыпи было впущено позднекочевническое погребение. Об этом свидетельствовал выкид суглинка на поверхности первичной насыпи. При устройстве средневекового погребения первичная насыпь была окружена рвом, стенки которого в разрезе разные: довольно крутая внутренняя и пологая внешняя. Внешний диаметр рва – около 20 м, (внутренний – 15 м), ширина – 2-2,5 м, глубина – около

0,8 м от поверхности насыпи 1. По периметру насыпи 1 был возведен кромлех диаметром 15 м (по внешнему краю), шириной 1,7-2 метра. Основу его составляли крупные мергелевые камни, которые лежали в один-три ряда по вертикали. Из грунта, вынутого при рытье рва, была возведена насыпь 2 мощностью 0,40 м. Позднекочевническое погребение, располагавшееся в центре пространства, окруженного кромлехом, было ограблено. Судя по инвентарю, в погребении был захоронен мужчина, а по сохранившимся *in situ* костям определяется, что он ориентирован на **запад** (Братченко С.Н. и др., 1979).

Третий комплекс с **впускным** погребением, где насыпь была окружена каменным кольцом, – Дубовики-I, к.1. По инвентарю (несколько типов срезней и броневой наконечников стрел, распрямленная гривна и другие вещи) погребение бесспорно датируется XIV в., оно впущено в центр первичной насыпи, после чего на ее склонах было сооружено каменное кольцо из редко (в один ряд) набросанных камней. Затем над ним сделали досыпку (Шалобудов В.Н., 1990, с.111). В том, что эта каменная конструкция связана с кочевническим комплексом, а не с одним из погребений эпохи бронзы, вряд ли стоит сомневаться, так как именно средневековое погребение оказалось в центре пространства, организованного каменным кольцом. Это, конечно же, косвенный признак, который не всегда работает, но статистика свидетельствует, что в тех случаях, когда культурная принадлежность каменного кольца однозначно соотносится с погребением позднего кочевника, то последнее всегда находится в центре такого “окольцованного” пространства. Кроме того, в западном разрезе бровки могила прослежена с уровня впуска, где на поверхности первичной насыпи ее окружал кольцевой выкид материковой глины. Для курганных культур степной полосы Европы нам не известны случаи, когда каменное кольцо не перекрывалось бы насыпью. Следовательно, кольцо в данном кургане было перекрыто в средневековое время.

При этом рассматриваемые нами памятники с каменными кольцами, где обнаружены впускные погребения, очевидно, относительно более ранние, нежели те, где обнаружены основные погребения, хотя до специального исследования, исходя из наших знаний о погребальном обряде поздних кочевников, можно лишь говорить о такой тенденции.

К приведенным аналогиям из материалов кочевой Степи можно добавить многочисленные и очень схожие памятники кочевников или, скорее, полукочевников из Закубанья (Карачаево-Черкессия). В качестве примера можно назвать группу курганов из урочища Байтал-Чапкан (кк.3, 5, 7), в

каждом из которых обнаружено по одному **основному** погребению, на уровне материка окруженных каменными кольцами. Параметры этих конструкций несколько иные, чем в степях Северного Причерноморья, но для нас важно, что архитектурная идея, выраженная в опоясывании насыпи каменным кольцом, в золотоордынское время имела место и в этом регионе. Все умершие ориентированы на **запад** (Текеев Г.Х.-У., 1977).

Не исключено, что отсутствие большого количества памятников поздних кочевников с каменными кольцами связано с разрушением по разным причинам верхних слоев насыпей курганов, в результате чего оказывается невозможным установление точной стратиграфии и, как следствие, их культурной принадлежности. Нельзя исключать и случаи, когда автор раскопок при анализе стратиграфии памятника ввиду впускного характера многих позднекочевнических погребений мог даже не предпринять попытки соотнести с ними кромлехи. Такие случаи известны. И поэтому, не всегда имея возможность посмотреть полевые чертежи, приходится руководствоваться текстом отчета. Вполне вероятно, что при более целенаправленных поисках приведенный список аналогий каменному кольцу из токовского кургана может несколько увеличиться.

По мнению В.Н.Шалобудова, применение в курганной архитектуре кромлехов – это локальный признак Правобережья Днепра (Шалобудов В.Н., 1984, с.171). Но с данным тезисом можно согласиться только отчасти, поскольку их там пока раскопано меньше десяти. В других регионах Степи кромлехи встречаются тоже. Как правило, решающим моментом в этом вопросе является наличие в том или ином регионе выхода камня на поверхность. Однако даже там, где камня достаточно, он использовался далеко не всегда. Различия в конструктивных особенностях кромлехов и характере их устройства в системе кургана, очевидно, обуславливаются как природными факторами и разными (в том числе индивидуальными) обрядовыми нормами, так и стадиями функционирования мировоззренческой идеи – опоясывания погребения каменным кольцом. Анализ данной проблемы еще предстоит сделать, опираясь на мифологию и традиционное мышление номадов.

Наличие камня в архитектуре насыпи, примененного в том или ином конструктивном решении, присуще кочевникам не только золотоордынского времени, но и половецкого. Так, С.А.Плетнева считает использование камня в насыпи характерной особенностью половецких погребений XII-XIII вв. (Плетнева С.А., 1981, с.218). С этим нельзя не согласиться, однако, во-первых, в ее работах нет четкой аргументации именно таких хронологиче-

ских рамок, а, во-вторых, исследовательница, к сожалению, не проанализировала типологическое и функциональное разнообразие каменных конструкций в архитектуре курганов, что, естественно, не дает специалистам еще одного очень важного признака, разделяющего массив позднекочевнических памятников на обрядовые группы по критерию “каменное кольцо”.

Дифференцировали каменную архитектуру курганов (но в общем хронологическом массиве XII-XIV вв.) В.А.Иванов и В.А.Кригер в своей монографии о погребальном обряде кыпчаков. Они приводят 11 типов курганов с применением камня, из которых только в 3 представлены каменные кольца (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с.46, рис.18, 5-7). Учитывая изобилие камня в Уральском регионе, с одной стороны, удивляет небольшое количество курганов с каменными кольцами, а с другой, – это еще одно свидетельство того, что не всегда наличие природного материала (камня, дерева или структуры почвы) диктует устройствам погребального обряда его использование. Этот факт можно попытаться объяснить тем, что носители той или иной мировоззренческой традиции на новой территории сначала должны были адаптироваться к новому ландшафту, его возможностям и, наконец, “слиться” с ним. Пока для нас остаются неизвестными причины, которые сказались на формировании именно такой курганной архитектуры у кочевников на Урале и к западу от него. Единственным регионом, где выявлено скопление позднекочевнических курганов с каменными кольцами, является район слияния рр.Базавлук и Каменка (рис.1). Впрочем, не исключено, что те немногочисленные памятники, которые нам удалось обнаружить в других участках Степи в связи с анализом каменного кольца токовского кургана, – результат территориально неравномерных раскопок.

Как показал анализ, большинство из числа рассмотренных погребений в курганах с каменными кольцами (13 из 16), включая и токовской комплекс, являлись основными в своих курганах. Подавляющее большинство памятников по вещам можно уверенно датировать золотоордынским временем. Именно в этот период с постепенным (а нередко резким) нарастанием процесса оседания кочевников на землю увеличивается и количество основных погребений. К кон.XIV в. такой тип погребений – это уже не просто обычное, но явно доминирующее явление. В это время у населения Степи стремительно идет и процесс массового перехода к формированию грунтовых могильников, а впускные погребения становятся исключением.

Ориентировка погребенной на запад – наиболее типичное направление подавляющего боль-

шинства погребенных золотоордынского времени (Евглевский А.В., 1990, с.131). Следовательно, продуктивный анализ по этому обрядовому признаку можно сделать только в комплексе с остальными показателями положения скелета человека в погребении, но даже в этом случае такая характеристика обряда в полной мере “заговорит” лишь в совокупности с памятниками близкого круга, т.е. на массовом материале. Такую задачу авторы статьи перед собой не ставили, однако, тот факт, что все умершие (за исключением одного полностью разрушенного) из приведенных выше погребений с каменными кольцами ориентированы на запад или же с небольшим отклонением – закономерность неоспоримая.

Замена коня конской упряжью. Уточнить датировку публикуемого погребения помогают некоторые детали погребального обряда. Так, в 10 из 16 упомянутых выше комплексов с каменными кольцами не было коня, что, кстати, тоже свидетельствует о заметной тенденции к изживанию кочевой традиции. Это интересная и до сих пор еще недостаточно освещенная тема. Понятно, что отсутствие коня в погребении кочевника может объясняться совершенно разными причинами, их может быть одновременно две или больше. В токовском кургане, если верить антропологическому заключению, захоронена женщина, а конь, как известно, в женских погребениях позднекочевнической культуры явление далеко не массовое. Другими словами, подобные погребения у поздних кочевников (не говоря уже о других культурах) редко сопровождаются конем, но наличие принадлежностей конской упряжи (стремени и удила) априори указывает на связь с обрядом погребения коня. Это важный аргумент, но, главное, безусловно, заключается в том, что, как мы уже упомянули выше, в европейской Степи традиция курганного обряда как такового, начиная с сер.XIV в., резко сходит на нет. Предаётся забвению многое из бывшей обрядности. Исчезает и захоронение коня. Это позволяет наиболее предпочтительной датой токовского кургана считать 2-3 четв.XIV века. Однако быть уверенным и в такой относительно узкой датировке из-за отсутствия специального исследования на эту тему мы не можем.

Уступ в торцевой стенке. В определенной семантической взаимосвязи с заменой коня деталями его упряжи находится и микропространство уступа, устроенного в восточной стенке могилы. Как можно объяснить удила, лежащие на уступе? Объяснение, которое напрашивается первым, – это символический намек на то, что на уступе как бы находится голова коня. Если именно это подразумевалось древними, тогда весьма перспективным может быть изучение незначительного числа позднекочевнических погребений, где череп коня в действительно-

сти покоится на уступе. Было бы весьма интересно соотнести между собой такие обряды, что, возможно, позволит поставить их в один генетически связанный, но в то же время диахронный культурный ряд. Пока же есть все основания считать, что обе эти обрядовые группы в рамках Средневековья появились в половецкое время (Евглевский А.В., 1992а, с.113). Следовательно, истоки этого явления можно искать в материалах кыпчакских и других генетически родственных (и, возможно, не только) племен, пришедших в европейские степи с Востока. Аналогии укладки удила на торцевой уступ, устроенный в ногах человека, у поздних кочевников нам пока не известны.

Одинокое стремя. Не менее интересной представляется и находка в погребении одиночного стремени, лежащего за ступнями захороненной. В 1992 г. А.В.Евглевским в тезисной форме был дан анализ одиночных стремян, но при наличии в погребении коня. Была высказана мысль, что обнаружение лишь одного стремени в составе конской упряжи вряд ли отражает жизненные реалии умершего: “Трудно представить, что в период, когда стремяна окончательно стали неотъемлемым приспособлением для быстрой езды и устойчивости в бою, кочевники могли пользоваться одним стремянем. Нельзя также объяснять наличие одного стремени в погребении с конем и бедностью умершего, поскольку исследуемая обрядовая черта встречена и в комплексах с богатым и многочисленным инвентарем” (Евглевский А.В., 1992б, с.112). Находки в позднекочевнических погребениях одиночных стремян – это, очевидно, своеобразный мировоззренческий пережиток, смысл которого заключался в способе посадки на коня. С помощью удобного для посадки “левостороннего” стремени нужно было сесть на коня, а тот уже должен был доставить своего хозяина в страну мертвых (Вайнштейн С.И., 1972, с.130; Евглевский А.В., 1992б, с.112). Нельзя исключать и иной трактовки, по которой традиция укладки с конем лишь одного стремени, возможно, была связана с охранительными мерами, направленными на недопущение возврата умерших (Евглевский А.В., 1992б, с.113). Но статистика свидетельствует о том, что количество погребений с одним стремянем составляет лишь небольшой процент от общего числа позднекочевнических комплексов. Чем тогда объяснить такое избирательное стремление устроителей погребальной обрядности при захоронении умерших? Решение этого вопроса также еще впереди.

Совсем другое дело – нахождение одиночного стремени в погребении, где конь отсутствует, как в нашем случае. Здесь мы, с учетом предыдущих мыслей, очевидно, имеем дело с отражением в погребальном обряде угасания кочевого обряда, где конь являлся одним из основных его маркеров. Символическую замену в погребении коня стремянами и удилами⁹, по-видимому, можно считать самым поздним проявлением культа коня в археологически фиксируемых признаках погребального обряда. Впрочем, лишь этим, вероятно, не исчерпывается семантика интересующего нас явления.

Заплечики ямы. Для такого же, как и в токовском кургане, обряда¹⁰ типа АIV (без учета курганной архитектуры) Г.А.Федоров-Давыдов установил следующие признаки: “костяк человека, обращенного головой на запад, без костей коня. В яме с уступом вдоль северной и южной стен. Две могилы перекрыты плахами, лежащими на уступах” (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.124). Если же говорить только о конструкции ямы, то надо иметь в виду, что исследователь весь такой массив памятников анализировал дифференцированно, т.е. по хронологическим периодам. К X – 1-й пол.XI в. (период господства печенегов и торков) он отнес всего 4 из 26 подобных ям, которые ему были известны. 13 погребений ученый отнес к золотоордынскому времени. Правда, несмотря на увеличение в этот период таких погребений, доля их по сравнению с наиболее распространенными типами не превышала 5%. Остальные 9 погребений не получили узкой датировки. Эта статистика означает, что указанные обрядовые комплексы для хронологического отрезка в 200 лет (2-я пол.XI – 1-я пол.XIII в.) исследователем не зафиксированы вовсе. За истекшие 40 с лишним лет с момента выхода книги Г.А.Федорова-Давыдова количество погребений с обрядом типа АIV с интересующими нас конструкциями ям значительно выросло (не считая грунтовых могильников), но их подсчет по периодам сделать сейчас в силу ряда причин не так просто, поэтому изучение этого массива еще не проведено.

Сегодня нам важно отметить другое. Заплечики вдоль южной и северной стен – это лишь общий формальный признак для двух отмеченных хронологически разных групп – погребений X – 1-й пол.XI в. и погребений 2-й пол.XIII – XIV века. Они разделены двухсотлетним интервалом, и на уровне единой линии развития (не считая некоторых общих истоков культурогенеза) между ними

⁹ Не все исследователи считают, что находки конской упряжи в могиле без коня являются заменой последнего (Нестеров С.П., 1990, с.60-61).

¹⁰ В сводке Г.А.Федорова-Давыдова (1966) яма с заплечиками вдоль северной и южной длинных стен, как в конструкции могильной ямы токовского кургана, отмечена для 26 погребений. Из них 13 относится к погребальному обряду АIV, по основным (формальным) признакам идентичному токовскому.

мало схожего. При внимательном рассмотрении всех нюансов конструкции ямы между двумя хронологическими группами выясняется много отличий. Ямы с заплечиками вдоль южной и северной стен в золотоордынское время нередко усложняются многими конструктивными элементами, изменяется характер их устройства в кургане, претерпевают некоторые изменения и собственно сами формообразующие признаки ямы (ширина и глубина уступов, наклон стен, пропорции верхней и нижней частей ямы и т.д.). Другими словами, интересующие нас могильные ямы в золотоордынское время, как правило, не только не идентичны такому же типу в печенежско-торчское время, но даже нередко не изоморфны друг другу. Более того, заплечики могли выполнять не только известную утилитарную функцию как опора для перекрытия, но и другие.

Таким образом, заплечики вдоль длинных стен в золотоордынское время по сути являются составной частью иного типа погребальной обрядности. В рамках интересующей нас обрядности AIV (в которую, как мы уже упоминали, с некоторыми допущениями можно включить и токовской комплекс) ее разновидностям на основе конструкции ямы для более удобного их анализа логично было бы присвоить новую кодировку, например, AIVa, AIVб, AIVв и т.д. Такой трансформацией мы не только не ломаем относительно успешно просуществовавшую более 40 лет типологическую схему Г.А.Федорова-Давыдова (подавляющее большинство исследователей все эти годы опираются именно на нее), но, как мы полагаем, качественно обогатим и разовьем ее.

Голень овцы на уступе. Поскольку нам не известны подобные случаи, дать оценку явлению довольно затруднительно. Кроме того, в связи с многочисленными проблемами чертежей у нас нет уверенности в положении костей *in situ*.

Выемка в дне могильной ямы – одна из самых оригинальных особенностей, присущих данному комплексу. Непонятно, почему такое углубление было сделано с недостаточной шириной, необходимой для того, чтобы туда могло вписаться гробовище. Устроенного с такой целью dna могильной ямы в погребальной обрядности поздних кочевников нам не известно. Возможно, такая конструктивная черта несет какую-то ритуальную нагрузку, суть которой пока объяснить трудно.

Решетчатое гробовище. Такие гробовища, по мнению Г.А.Федорова-Давыдова (опирался лишь на материалы 8 комплексов), получают распространение только в золотоордынское время (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.130). Меньше десяти погребений – это, конечно же, крайне малое количество для столь уверенного заключения, однако исследователь подчеркнул, что в предшествующее половое время решетчатые гробовища не зафиксированы вовсе. Вывод этот для нас очень важный, но, к сожалению, все известные ему случаи Г.А.Федорова-Давыдова свел в один тип решетчатых гробовищ – БП. Несмотря на то, что по данному “сводному” типу гробовищ мы, в целом, поддерживаем выводы Г.А.Федорова-Давыдова, тем не менее, этот массив не выглядит однородным как в типологическом, так и в хронологическом плане. Решетчатые гробовища в курганных культурах Европейской Степи встречаются с определенными временными разрывами на протяжении I-XIV вв., а их конструктивное разнообразие столь велико, что предполагает более осторожное атрибутирование таких памятников, чем обычная традиционная ссылка на известный свод материальной культуры поздних кочевников Г.А.Федорова-Давыдова (1966).

Таким образом, анализ токовского погребения свидетельствует о том, что для его более полного объяснения нам остается ждать новых открытий и расширить географию поиска.

Литература и архивные материалы

- Безверхий А.П.,** 1991. Средневековые кочевнические памятники правобережья Днепра (по материалам экспедиции ДГУ)// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Бокий Н.,** 1968. Отчет Кировоградского краеведческого музея об археологических раскопках в Кировоградской обл. за 1968 г.// НА ИА НАН Украины. № 1968/81.
- Братченко С.Н., Гершкович Я.П., Константиnescу Л.Ф., Левченко В.Н., Смирнов А.М., Швецов М.Л., Шкарбан А.С., Кротова А.А.,** 1978. Отчет Донецкой экспедиции за 1978 г. Исследование курганов в Славянoсербском р-не Ворошиловградской обл. (с.Смелое, Пришиб, Знаменка, Сокольники, Крипаки) и в Амвросиевском р-не Донецкой обл. (с.Петропавловка, Лисичье)// НА ИА НАН Украины. № 1978/1.
- Братченко С.Н., Константиnescу Л.Ф., Гершкович Я.П.,** 1979. Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1979 г. у с.Рудовка Сватовского района, с.Бахмутовка, Райгородка, Царевка, Деменково Новоайдарского района Ворошиловградской области// НА ИА НАН Украины. № 1979/15.

- Вайнштейн С.И.**, 1972. Историческая этнография тувинцев. М.
- Гладких М.И., Писларий И.А., Кротова А.А.**, 1974. Отчет о работе Северско-Донецкой новостроечной экспедиции в 1974 году// НА ИА НАН Украины. № 1974/13.
- Евглевский А.В.**, 1990. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Луганск.
- Евглевский А.В.**, 1992а. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета// ДАС. Вып.1. Донецк.
- Евглевский А.В.**, 1992б. Стремена в погребальном обряде поздних кочевников Северо-Восточного Причерноморья// История и археология Слободской Украины. Тез. докл. Всеукр. конф., посвященной 90-летию XII Археологического съезда. Харьков.
- Иванов В.А., Кригер В.А.**, 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XIII-XIV вв.). М.
- Максименко В.Е.**, 1981. Отчет о раскопках курганов в Тацинском районе Ростовской обл. в 1981 году// Архив ИА РАН. Ф.е. 8884.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И., Захаров А.В.**, 1983. Отчет о раскопках курганов в Тацинском районе Ростовской обл. в 1983 г.// Архив ИА РАН. № 9880.
- Нестеров С.П.**, 1990. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.
- Плетнева С.А.**, 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
- Плетнева С.А.**, 1963. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи// МИА. № 109. Ч.III.
- Плетнева С.А.**, 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
- Плетнева С.А.**, 1981. Печенеги, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Привалова О.Я., Зарайская Н.П., Привалов А.И.**, 1982. Двугорбая Могила// Древности Степной Скифии. К.
- Текеев Г.Х.-У.**, 1977. Раскопки в урочище “Байтал-Чапкан” в 1977 г.// Архив ИА РАН. № 6926.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Шалобудов В.Н.**, 1984. Кочевнические курганы правобережья Днестра// Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. Днепропетровск.
- Шалобудов В.Н.**, 1990. Еще раз о находках распряженных гривен в половецких погребениях// Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В.**, 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья// Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Шалобудов В.Н., Яремака В.Н.**, 1987. Гривны в погребениях средневековых кочевников// Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балужкин А.М., Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Корпусова В.Н., Магомедов Б.Л., Некрасова Д.Н., Нечитайло А.Л., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А.**, 1975. Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1975 год// НА ИА НАН Украины. № 1975/3.

Summary

A.V.Yevglevsky, N.M.Danilko, S.A.Kuprii (Donetsk; Kiev, Ukraine)

“ORDINARY” LATE NOMADIC BURIAL WITH NON-ORDINARY RITE OF BARROW 2 OF TOKOVSKIYE MOGILY GROUP ON RIGHT BANK OF DNIEPER

The paper gives a detailed analysis of a burial of a female nomad of the Golden Horde time unusual by its ceremonial attributes which has been found near Tokovskoie settlement on the right bank of the Dnieper.

A block of ceremonial features, which permit to throw light upon the place of the complex in the funeral rite of the late nomadic culture, comprises a stone ring-enclosure under a barrow mound, longitudinal and end ledges, a lattice coffin, the westward orientation of the deceased, a single stirrup and a bit in the absence of a horse. In combination (but not separately) these attributes are characteristic of the 2nd quarter of the

13th – the 14th century. The funeral inventory is not numerous but rather expressive. The remains of fabrics deserve special attention: studying of them will enable one to solve the problems of reconstruction of the embossed pattern decorating a caftan, technological features of textile fabrics, the place of manufacturing, etc. T.N.Krupa's paper presented in the same volume is devoted to a special complex research of fabrics and leather from the burial.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2007 г